

(которое) совершил для меня отец мой [Амон в де]нь 9-й (после/со времени) появления моего царем». Следовательно, календарная дата здесь отсутствует. Есть только ссылка на какое-то событие, свершившееся на 9-й день после восшествия Ирикеаманноте на престол (благодаря войску, как прямо следует из текста) и, видимо, истолкованное как благоприятное знамение. Данное толкование не оставляет никаких оснований для гипотезы о соправлении двух царей. К сожалению, качество существующих копий текста не позволяет признать проблему ныне уже окончательно решенной. Окончательную ясность, наверное, могло бы внести исследование оригинала надписи *in situ*. Новые раскопки в Храме Т в Каве, когда бы они ни осуществились, несомненно, явятся поворотным моментом в изучении Большой надписи Ирикеаманноте. Только тогда станут видны истинные размеры уже невозможных потерь, и только тогда можно будет в полной мере осознать истинную ценность свидетельств, обнаруженных в Архиве Института Гриффита.

BACK TO AN OLD SOURCE

(*A Find in the Archive of Griffit Institute, Oxford*)

A.V. Vinogradov

The paper tells about an interesting and important document discovered by the author in the Archive of Griffit Institute in Oxford.

© 2000 г.

М.С. Гаджиев

НОВЫЕ НАХОДКИ И ТОПОГРАФИЯ СРЕДНЕПЕРСИДСКИХ НАДПИСЕЙ ДЕРБЕНТА

В 1996 г. Дербентской археологической экспедицией Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН параллельно с раскопками сасанидского форта¹ проводились визуальные обследования укреплений Дербента. В результате этих изысканий на северной городской стене было обнаружено пять ранее не известных среднеперсидских надписей VI в. н.э., пополнивших корпус среднеперсидской эпиграфики Дербента и получавших номера 26–30². В июне 1997 г. совместно с доктором Д. Хуффом (Германский археологический институт) при изучении оборонительных сооружений и древних надписей Дербента была обнаружена еще одна надпись, обозначенная № 31. Тогда же были сделаны эстампажи надписей.

Все вновь выявленные надписи вертикальные (как и ранее обнаруженные) и расположены на внешней стороне северной оборонительной стены города, за исключением

¹ Гаджиев М.С. Раскопки форта Дербентского оборонительного комплекса // АО 1996 г. М., 1997. С. 200–201; *Gadjiev M.* Studies of the Fort of the Derbent Fortification Complex and Identification of the «Fortress Sul» // *Archaeology of Caucasus: New Discoveries and Perspectives. Intern. Scient. Session: Abstracts of Papers.* Tbilisi, 1997. P. 27–28.

² Мы придерживаемся нумерации надписей по Е.А. Пахомову (*Пахомов Е.А.* Пехлевийские надписи Дербента // *Изв. Общества обследования и изучения Азербайджана.* Баку, 1929. № 8. Вып. V. С. 13–18) в отличие от нумерации, недавно предложенной С.Ю. Касумовой (*Касумова С.Ю.* Среднеперсидская эпиграфика Кавказской Албании (Дербент). Баку, 1994. С. 6).

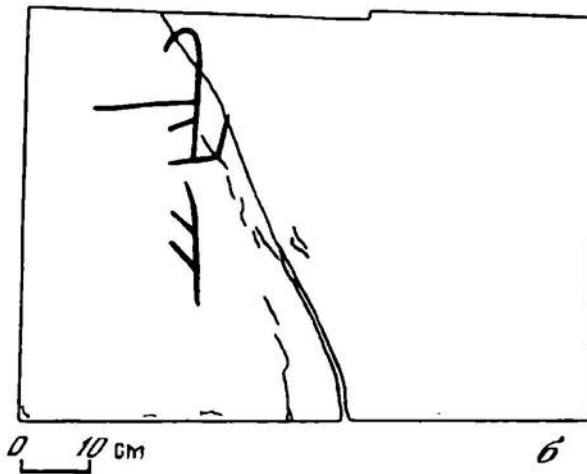
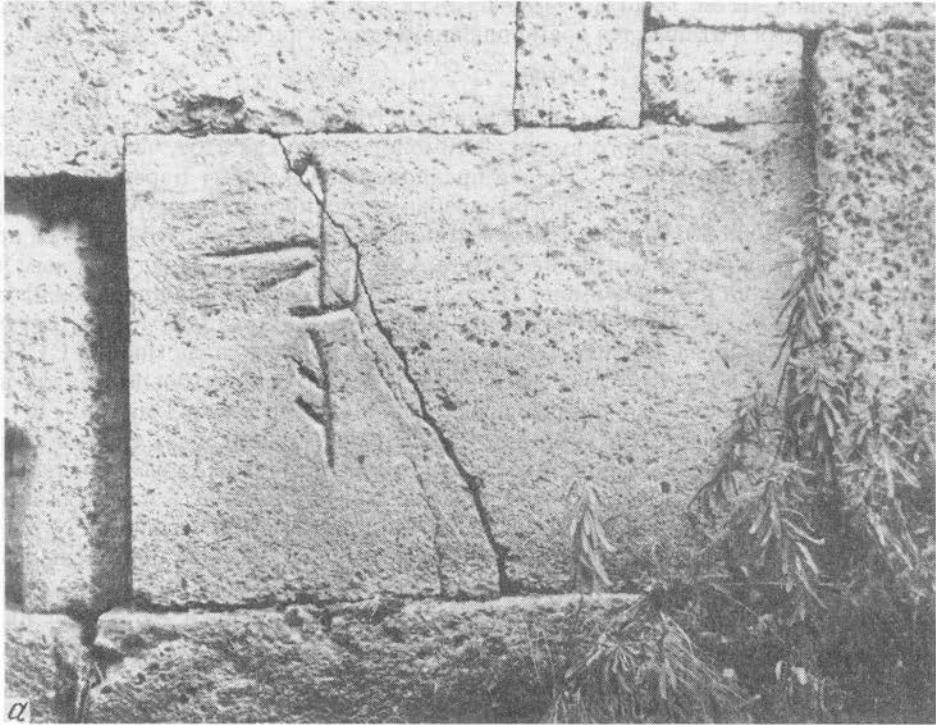

Рис. 1. Дербент. Среднеперсидская надпись № 26 (фото и прорисовка)

надписей № 30, 31, находящихся на внутреннем фасе стены. Ниже приводим описание, транслитерацию и перевод этих надписей.

Надпись № 26 расположена на лицевой грани прямоугольной башни 36 (по нумерации Е.А. Пахомова), на высоте 0,4 м (второй ряд кладки) от современной дневной поверхности (далее все высоты расположения надписей приводятся от современной

дневной поверхности), на блоке размером 65 × 82 см (рис. 1 а, б). Надпись однострочная, длиной 44 см, высота строчных букв 4–5 см. Текст ее идентичен тексту надписи № 11³, хотя и отличается прямолинейным стилем письма:

(1) dlywš Dariusš «Дариуш»

Г.С. Ньюберг предложил чтение blznuš или blznš (Barzñiš или Barzēñiš) в дербентских надписях с упоминанием данного имени и этимологию его как «тот, чей знак (знамя? щит?) высок или поднят»⁴. К.В. Тревер предположила в имени Барзниш «местное звучание имени Buzzan», которое носил марзбан Армении и Албании⁵. В.Г. Луконин первоначально предположил вероятность чтения «Бурзиш» или «Бурзнеш»⁶, а позднее, в неопубликованной рецензии на статью А.А. Кудрявцева⁷ наряду с новым чтением даты предложил и чтение имени «Дариуш»⁸. Тогда же Г. Гропп предложил свое раскрытие этого имени как dlywš (Dariusš) «Дариуш» (для надписи № 1 – dlyuwš⁹). С.Ю. Касумова подвергла критике версию Г. Гроппа и поддержала мнение Г.С. Ньюберга¹⁰. Относительно этого слова высказался и Ф. Жинью, который сначала прочитал его как drgwš 'rauvg'¹¹, а позднее предложил имя собственное Driyōš¹².

Написание букв в надписи № 26 и в других дербентских надписях с упоминанием данного имени, их возможные фонетические значения позволяют придерживаться тех или иных версий. Но заметим, что начальные буквы этого имени в надписях имеют близкое или то же начертание, что и в слове dly'p (dgrayb 'море') в надписях № 8 и 9¹³, чтение которого общепринято. Учитывая же палеографическое единообразие надписей Дербента, можно было предполагать, что и в рассматриваемом личном имени первый знак раскрывается как d (dāleth). Нынешнее открытие надписи № 29 (см. ниже) однозначно указывает на это и подтверждает правильность чтения В.Г. Луконина и Г. Гроппа, которого мы придерживаемся.

Надпись № 27 находится восточнее ворот Даш-капы (Шуринские ворота), на куртине между башнями 16 и 15, в 25,4 м от первой и в 17,3 м от второй, на высоте 0,5 м (второй ряд кладки), на блоке размером 61 × 58 см (рис. 2). Надпись трехстрочная,

³ Пахомов. Пехлевийские надписи Дербента. Табл. I, 11.

⁴ Ньюберг Г.С. Материалы по истолкованию пехлевийских надписей Дербента // Изв. Общества обследования и изучения Азербайджана. Баку, 1929. № 8. Вып. V. С. 27–28.

⁵ Тревер К.В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. М.–Л., 1959. С. 348. При этом К.В. Тревер ссылается на Ф. Юсти, у которого дана форма Būzān (*Justi F. Iranisches Namenbuch. Marburg, 1895. S. 73*). С.Ю. Касумова заметила, что в армянском тексте «Истории Армении» вардапета Чамчеяна, на которого ссылается Ф. Юсти, фигурирует форма Burlan (*Касумова С.Ю. К толкованию среднеперсидских надписей из Дербента // ВДИ. 1979. № 1. С. 121. Прим. 56*). Отметим, что Джуаншиериани при описании событий конца V в. упоминает приверженца зороастризма, «царя (*mepe*) Мовакана» (одной из центральных исторических областей Кавказской Албании), имя которого – Борзо – передано в грузинизированной форме и связано со ср.-иран. *burz* 'высокий' (*Джуаншиериани Джуаншиер. Жизнь Вахтанга Горгасала / Пер., введ. и прим. Г.В. Цулая. Тбилиси, 1986. С. 76, 126*).

⁶ Луконин В.Г. Среднеперсидские надписи из Кара-тепе // Буддийские пещеры Кара-тепе в Старом Термезе. М., 1969. С. 45. Прим. 23; *он же*. Древний и раннесредневековый Иран. Очерки истории культуры. М., 1987. С. 274. Прим. 23.

⁷ Кудрявцев А.А. О датировке первых сасанидских укреплений в Дербенте // СА. 1978. № 3. С. 256–257. Прим. 69.

⁸ Это чтение было любезно предоставлено В.Г. Лукониным А.А. Кудрявцеву, который позже опубликовал его (*Кудрявцев А.А. Древний Дербент. М., 1982. С. 95, 168. Прим. 46, 48*); при этом в публикацию вкралась опечатка – «Дарпуш» вместо «Дариуш».

⁹ Gropp G. Die Festung Derbent zwischen Hunnen und Sassaniden // ZDMG. 1977. Suppl. 3/2. S. 1620.

¹⁰ Касумова. К толкованию... С. 120–121; *она же*. Среднеперсидская эпиграфика... С. 6–12, 15–19; *она же*. Новые среднеперсидские надписи из Дербента // Этнокультурные процессы в древнем Дагестане. Махачкала, 1987. С. 102–105; *она же*. Новые находки среднеперсидских надписей в Дербенте // ВДИ. 1988. № 1. С. 91–92.

¹¹ Gignoux Ph. Glossaire des Inscriptions Pehlevies et Parthes. L., 1972 (CII. Suppl. Ser. V. I). P. 21.

¹² *Idem*. Review on Kasumova, 1987 // Abstracta Iranica. 1988. 11. P. 27.

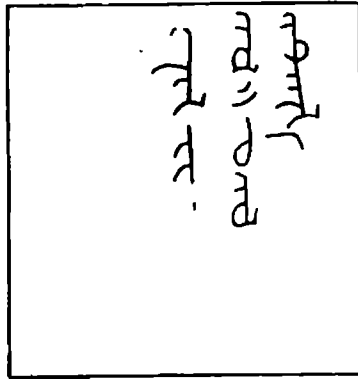

Рис. 2. Среднеперсидская надпись № 27

высота строчных букв 2,5–3 см. Текст ее идентичен тексту надписей № 7, 10, 24:

(1)	dlywš ZY	Darius i
(2)	'twrp't[kn]	Ādurbād [agān]
(3)	'm'lk	āmārgar

«Дариуш, амаргар Адурбадагана».

Надпись № 28 расположена на западной стороне полукруглой башни 8, в 3,1 м от стыка ее с куртиной, на высоте 1,9 м (пятый ряд кладки), на блоке размером 52 × 89 см (рис. 3 а, б). Надпись трехстрочная, очень дефектная, полустертая, имеет неглубокую резьбу; высота строчных букв 2,5–3,5 см. Текст ее восстанавливается по идентичному тексту предыдущей и других надписей:

(1)	dlyyw[š] ZY	Dariiu[š] i
(2)	['t]wrp'tk'n	[Ād]urbādagān
(3)	('m)'l[k]l	(ām)ār[ga]r

«Дариуш, амаргар Адурбадагана».

Ранее мной была предложена несколько иная структура этой надписи – (1) dlyuwš [ZY][t] (2) wrp'tkn (3) 'm'lk¹⁴. Плохая сохранность текста, шербины на поверхности камня создают иллюзию наличия или отсутствия тех или иных знаков. Однако повторный осмотр надписи и ее эстампаж позволили уточнить текст.

Надпись № 29 находится на куртине между башнями 11 и 10, в 35,1 м от последней (на которой расположен маяк), на высоте 2,1 м (пятый ряд кладки), на блоке размером 54 × 85 см (рис. 4 а, б). Надпись трехстрочная, высота строчных букв 1,5–3 см, местами дефектная, некоторые буквы стерты. Текст ее идентичен тексту двух предыдущих и других надписей:

(1)	dlywš ZY	Darius i
(2)	'twrp'tk'n	Ādurbādagān
(3)	(?)m(?)lkl	(ā)m(ā)rgar

«Дариуш, амаргар Адурбадагана».

Эта надпись по своим графическим особенностям – написанию как отдельных букв, так и слов – выделяется среди остальных среднеперсидских надписей Дербента. Прежде всего, следует обратить внимание на то, что в стк. 1 первые два знака от-

¹³ Пахомова. Пехлевийские надписи Дербента. Табл. II, 8; III, 8, 9.

¹⁴ Гаджиев М.С. Находки среднеперсидских надписей в Дербенте // VII Донская археологическая конф. «Проблемы археологии Юго-Восточной Европы». Тез. докл. Ростов-на-Дону, 1998. С. 122.

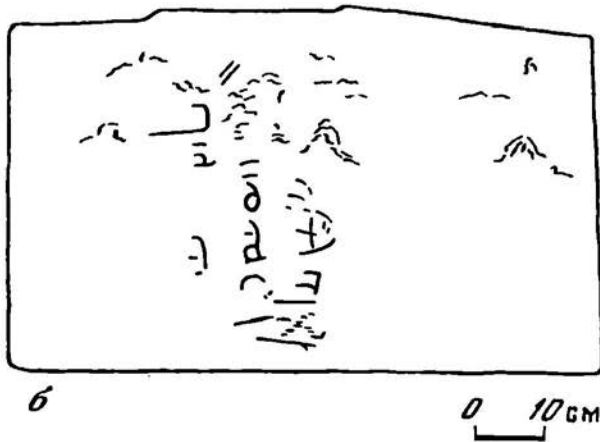

Рис. 3. Среднеперсидская надпись № 28 (фото и прорисовка)

четливо читаются как *d* и *l/r*. Причем они имеют форму, не характерную для других дербентских надписей, а более традиционную, типичную для среднеперсидских надписей, легенд на сасанидских монетах и геммах. Например, такую графику буквы *dāleth* и *gēš* имеют на монетах в сигле DR, где они обозначают монетный двор Dārābgard¹⁵, и в

¹⁵ Göbl R. Sasanidische Numismatik. Braunschweig, 1968. Taf. XVI.

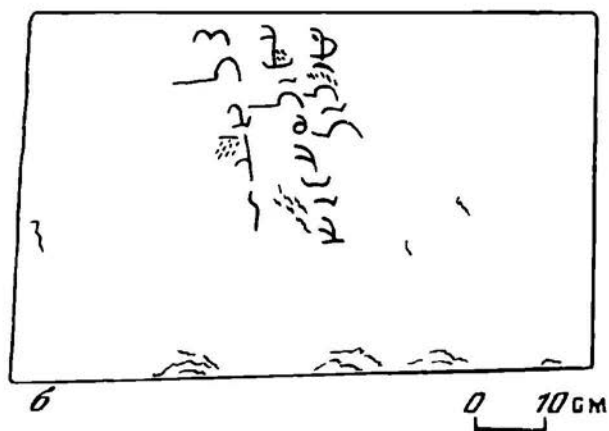

Рис. 4. Среднеперсидская надпись № 29 (фото и прорисовка)

надписях на буллах с оттисками гемм VI – начала VII в. из раскопок архива (помещение Z) Тахт-и Сулеймана (в частности, оттиски № 694, 704: *dlgwš'n // dlygwš'n*)¹⁶.

Устойчивое начертание литеры *l/r* в надписи присутствует во всех словах. Ясное же написание начальной буквы *d-* (*däleth*) в этой надписи в форме «3» исключает воз-

¹⁶ *Idem.* Die Tonbullen vom Tacht-e Suleiman. Ein Beitrag zur spätsāsānidischen Sphragistik (Tacht-e Suleiman. Ergebnisse der Ausgrabungen / Hrsg. von R. Naumann. Bd I). B., 1976. Taf. 51–56.

возможность ее значения как *b*-(beth) (в отличие от других среднеперсидских надписей Дербента) и делает очевидным предложенное В.Г. Лукониным и Г. Гроппом чтение имени как *dlywš* (*Dariuš*, Дариуш).

Ранее С.Ю. Касумова отвергла это чтение как совершенно неприемлемое, «поскольку характерное для древнеперсидского языка окончание *-š* не могло сохраниться в среднеперсидском языке», ссылаясь при этом на среднеперсидское написание имени Дарий – *d'ry* (*Dārāi*)¹⁷.

Однако следует признать, что в среднеперсидском в сасанидскую эпоху наряду с формами *Dārāi*, *Dārā* сохранялась и форма *Dariuš*, которая позднее фиксируется арабopersидскими авторами (ат-Табари, ал-Беруни, Ибн Мискавейх, Абу-л-Фида)¹⁸. Так, например, Ибн Мискавейх (433. 4; 434. 4) и Абу-л-Фида (2. 112. 5) упоминают для начала IX в. некоего багдадца Халида, сына Дариуша (*Xālid b. ad-Darīūš*). Это, как представляется, дает достаточно оснований для того, чтобы придерживаться чтения Дариуш (*Dariuš*), а не Барзниш (*Barzniš*), которое не зафиксировано в источнике (в том числе среднеперсидском) ономастике. Заметим, что и в сирийских источниках позднесасанидского времени (Хроника города Карка де бет Селох, конец V–VI в.)¹⁹ это имя имеет близкую форму Дарьявуш (*Daryavuš*), почти идентичную древнеперсидской. Приведенные примеры свидетельствуют об устойчивом употреблении этого имени в сасанидское и раннеарабское время в близкой к традиционной (древнеперсидской) форме, наряду с новой.

Данная надпись примечательна и тем, что в ней, в отличие от других дербентских надписей, в слове *ʾwgrʾtkʾn* (*Ādurbādagān*) литера *t* имеет иное написание, а в топонимическом аффиксе *-kʾn* присутствует долгое *-ā-*. Вместе с тем рассмотренная надпись свидетельствует о синхронном употреблении двух орфографических систем в среднеперсидской эпиграфике Дербента.

Надпись № 30 расположена в самом начале северной городской стены, в 6,3 м от ее стыка с северо-восточной угловой башней цитадели Нарын-кала, на высоте 0,6 м (третий ряд кладки), на сильноповрежденном блоке размером 51 × 65 см (рис. 5 а, б). Надпись 5–6-строчная, очень дефектная, но на поверхности камня (ракушечник) достаточно хорошо видны отдельные буквы и лигатуры. В 1-й строке, возможно, имеется цифровое обозначение даты (...??) – семь коротких прямых линий. В стк. 2, кажется, читается *dlywš ZY*. В стк. 3 надпись имеет идеограмма *ZNH(ēn)*, а в стк. 4 – концовка той же идеограммы (*H*) или же идеограмма *MN(az)*. На основе сохранившихся знаков можно полагать, что текст этой надписи был близок по содержанию тексту надписей № 1–6 и особенно надписи № 3, имеющей дату.

Надпись № 31 находится вблизи надписи № 30, выше ее через два ряда кладки на высоте 1,75 м (шестой ряд кладки), в 5,5 м от северо-восточной угловой башни цитадели, на частично поврежденном блоке размером 104 × 47 см (рис. 6 а, б). Надпись однострочная, фрагментарная, сохранились заключительные знаки высотой 4 и 7 см. Текст восстанавливается на основе аналогичных надписей № 11 и 26:

(1) [dr](y)wš [Dar](i)uš «Дариуш».

Выявленные среднеперсидские надписи Дербента представляют несомненный интерес для изучения позднесасанидской эпиграфики; вновь подчеркнем особое значение надписи № 29 для правильного чтения имени финансового контролера (*амаргара*) шахра Адурбадаган, от имени которого составлено более половины (17 и 31) из известных на сегодняшний день среднеперсидских надписей Дербента.

Все надписи амаргара Дариуша высечены на северной стене города, где всего расположено 22 надписи (рис. 7). По своему формуляру они представляют четыре

¹⁷ Касумова. Новые находки... С. 92; она же. Среднеперсидская эпиграфика... С. 16.

¹⁸ Justi F. *Iranisches Namenbuch*. Hildesheim, 1963. S. 78.

¹⁹ Пигулевская Н. История основания города Карка де бет Селох // Уч. зап. ЛГУ. Сер. востоковедческих наук. 1954. Т. 179. Вып. 4.

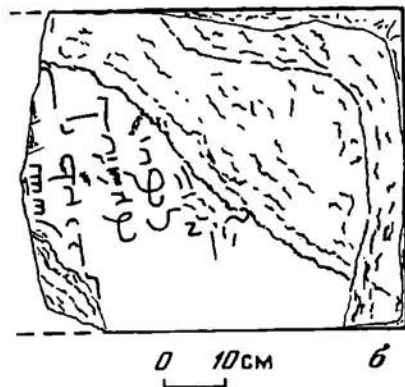

Рис. 5. Среднеперсидская надпись № 30 (фото и прориска)

группы: 1) имя (№ 11, 26, 31); 2) имя и титул (№ 7, 10, 24, 27–29); 3) строительные данные, имя и титул (№ 1, 2, 4–6, 25); 4) строительные данные, дата, имя и титул (№ 3, 30?). Возможно, он упоминается и в надписях № 8 и 9, располагавшихся на внутренней облицовке башни 9 и ныне утерянных. Вместе с тем в этих надписях («От берега моря вглубь вместе с тридцатью... из царского (?) имущества... сделал»²⁰),

²⁰ Касумова. К толкованию... С. 124; Луконин. Среднеперсидские надписи... С. 45. Прим. 23. Позже Э.Г. Луконин предложил иной перевод этой группы надписей, опубликованный без транслитерации текста А.А. Кудрявцевым: «От побережья моря и дальше, вплоть до "прохода" ("связь, оковы, запор", иногда "ворота") на свои средства ... отсюда вверх сделал» (Кудрявцев. Древний Дербент. С. 168. Прим. 46). Возможно, в архиве В.Г. Луконины имеются материалы, обосновывающие предложенный перевод.

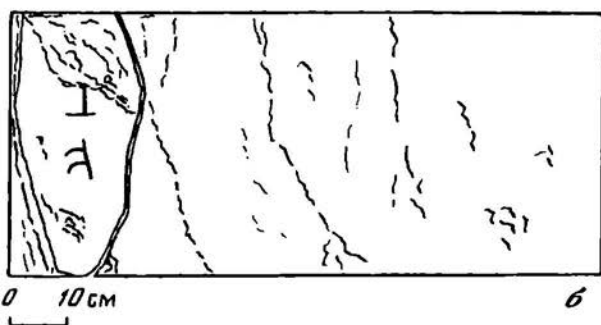

Рис. 6. Среднеперсидская надпись № 31 (фото и прорисовка)

содержащих цифровую идеограмму, очевидно, упоминаются башни северной городской стены. Это может подтверждаться соответствием данных этих надписей количеству крупных полых башен северной стены (не считая 14 небольших глухих башенных выступов с выносом 1–2 м, расположенных в западной части стены), которых насчитывалось 36–37 (в настоящее время – 32).

Четкой системы в расположении среднеперсидских надписей на северной городской стене не наблюдается. Надписи распределены неравномерно: имеются значительные участки, где они отсутствуют, а есть участки с высокой концентрацией надписей.

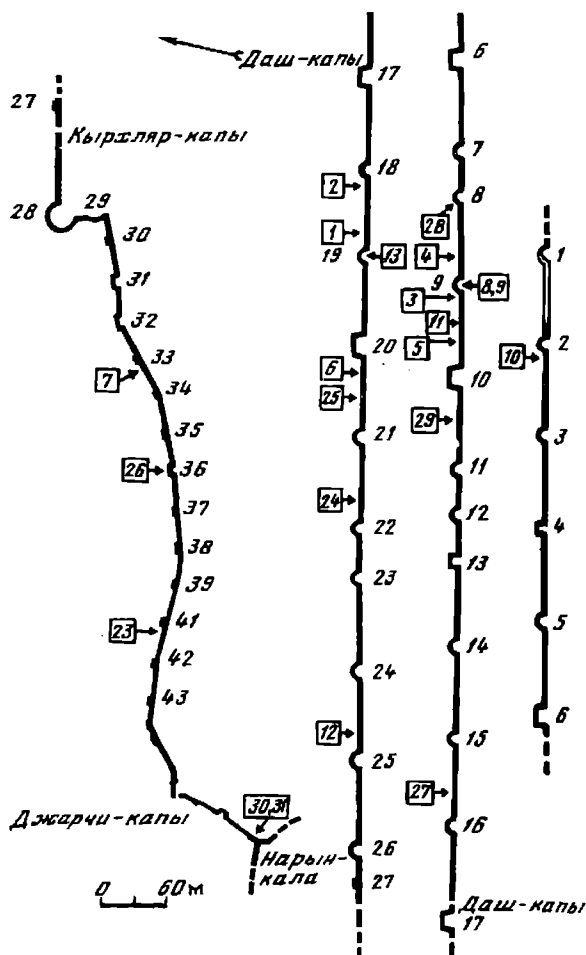

Рис. 7. План северной городской стены Дербента с указанием местонахождения среднеперсидских надписей № 1–13, 23–31

например, между башнями 8 и 10, где расположено семь надписей (№ 3–5, 8, 9, 11, 28). Крайние надписи находятся соответственно почти у цитадели (№ 30, 31) и недалеко от берега моря (№ 10). Высота расположения надписей также различна. Половина из них (11 надписей) расположена на уровне человеческого роста (0,9–2,1 м от современной дневной поверхности, но несколько выше от древней поверхности, учитывая толщ культурных напластований), и, вероятно, они были рассчитаны на их ясное зрительное восприятие. Несколько надписей (№ 2, 5, 13, 26, 27, 30) ныне находятся на уровне нижней части стены, на высоте 0,3–0,6 м. Три надписи (№ 7, 24, 25) расположены на высоте 2,6 м и 3,3–3,4 м от современной дневной поверхности. А надписи № 8 и 9 были установлены в самом верхнем ряду кладки и, судя по их положению и сохранившемуся тексту, очевидно, по завершении строительства северной стены города.

Многие каменные блоки с вырезанными надписями устанавливались в ходе строительных работ, но в некоторых случаях (например надписи № 1–6) текст, вероятно, наносился на уже установленный блок по завершении строительства определенного участка. Это может подтверждаться тем, что плиты с надписями № 1–6, содержащими близкий текст и начинающимися словами «en ud az en abarbar» («Это и от этого вверх [сделал]...»), расположены исключительно в нижней части оборонительной стены, на

куртинах, на высоте 0,3–1,9 м²¹. Естественно думать, что такой текст мог быть составлен уже после возведения соответствующей куртины. Вместе с тем остается неясным расположение двух таких идентичных текстов на одном участке: надписи № 1 и 2 находятся на куртине между башнями 18 и 19, надписи № 3 и 5 – между башнями 9 и 10. Правда, в обоих случаях надписи расположены у противоположных концов куртин. В этой связи отметим встречное направление сооружения одной куртины двумя строительными группами, фиксируемое в отдельных местах по характеру кладки и стыковке рядов блоков.

Зависимость местоположения надписи от ее содержания наблюдается, вероятно, и в надписи № 23. Последняя содержит одно слово *âb* 'вода' и, очевидно, указывает на наличие здесь системы водоснабжения: на расстоянии около 50 м от надписи, за оборонительной стеной, в черте средневекового шахристана (обживавшегося и в позднесасанидское время) находился большой подземный резервуар для воды²², сложенный на известковом растворе из крупных прямоугольных камней, близких по формату к блокам сасанидской кладки. С.Ю. Касумова отметила, что, возможно, «ниже надписи находился водослив для периодической очистки подземного колодца, либо рядом были проложены трубы»²³. В 1997 г. эта догадка нашла подтверждение: рядом с надписью, в 4,2 м от нее и городской стены, за пределами средневекового города, в срезе культурного слоя был выявлен раннесредневековый водовод-*кяриз* из керамических труб, проложенный параллельно оборонительной стене²⁴.

Закономерность, отмеченная еще Е.А. Пахомовым²⁵, наблюдается в расположении надписей № 14–21, находящихся на наружной облицовке южной стены цитадели Нарын-кала между башнями 2 и 3 (по нумерации Е.А. Пахомова) (рис. 8). Вместе с тем они дают ясный пример предварительного нанесения текстов на блоки и последующей их установки в кладку в процессе строительства. Эти надписи представляют две группы текстов: 1) *Mōšig kard* «сделал Мошиг» (№ 14, 15, 17, 19, 20) и 2) *Ādurgušnašp kard* «сделал Адургушнаспа» (№ 16, 18, 21)²⁶. Расположены они в определенном порядке – снизу вверх от современной дневной поверхности (первый ряд кладки – надпись № 21) до высоты 6,0 м (одиннадцатый ряд – надпись № 20), в каждом ряду на соседних блоках или через ряд, с некоторым чередованием надписей Мошига и Адургушнаспа (в следующей последовательности – № 21, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20). Все надписи нанесены вертикально сверху вниз у краев блоков, причем надписи Мушега расположены исключительно у правого края ложковых блоков, а надписи Адургушнаспа – у левого края тычковых блоков.

²¹ К.В. Тревер, опираясь на приблизительные данные Е.А. Пахомова (Пехлевийские надписи Дербента. С. 13–15) о высоте расположения этих надписей (ок. 1,5 м), неверно предполагала, что «при Барзанише ... приступили к работе, когда нижние ряды кладки были уже доведены до высоты 1,5 м» (Тревер. Ук. соч. С. 352).

²² Касумова. Новые находки ... С. 90. Балами, переработавший текст ат-Табари и показавший знание топографии Дербента, называет существовавшие в городе ко времени арабских завоеваний и построенные «еще Ануширваном, сыном Кубада» различные сооружения системы водоснабжения: *чаима-и аб* 'источник воды, родник', *хоуз* 'водоем, бассейн, пруд', *жой (жей)* 'водохранилище, водоем' (*Шихсаидон А.Р.* Арабские источники IX–X вв. и вопросы социально-экономического и военно-политического положения раннесредневекового Дагестана // Источниковедение средневекового Дагестана. Махачкала, 1986. С. 11).

²³ Касумова. Новые находки... С. 90.

²⁴ Трубы водовода имеют обычную усеченно-коническую форму и валик для упора у узкого отверстия; длина труб 46 см, диаметры отверстий 10 см и 14 см, диаметр валика, отстоящего от края трубы на 6,5 см, равен 11,5 см. Подобные трубы имеют широкий хронологический диапазон бытования, и однажды сооруженный водовод функционировал, как правило, весьма длительный срок с периодической заменой труб, пришедших в негодность или забитых отложениями солей.

²⁵ Пахомов. Пехлевийские надписи Дербента. С. 17–18. Им, правда, отмечена «строгая систематичность».

²⁶ Чтение этих надписей см. *Нюберг*. Ук. соч. С. 32; *Луконин*. Среднеперсидские надписи... С. 45–46. Прим. 23; *Gropp G.* Die Derbent-Inschriften und das Adur Gušnašp // Monumentum H.S. Nyberg. I (Acta Iranica. 4). Tehran-Liège, 1975. S. 318; Касумова. К толкованию... С. 125; она же. Новые находки... С. 85–90.

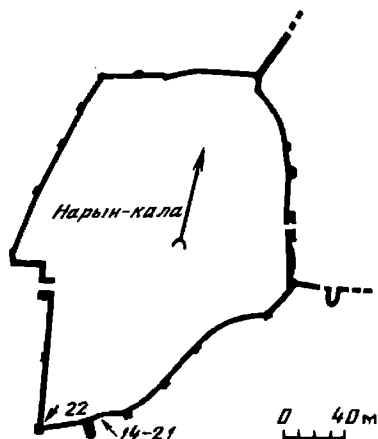

Рис. 8. План цитадели Дербента с указанием местонахождения среднеперсидских надписей № 14-22

Надпись № 21 была обнаружена А.А. Кудрявцевым в 1979 г., когда здесь, вплотную к стене цитадели, был заложен стратиграфический раскоп с целью изучения культурных напластований, цокольной части раннесредневековых стен, возможного выявления других среднеперсидских надписей и досасанидской фортификации. Позднее эта надпись была прочитана и опубликована С.Ю. Касумовой. В ходе раскопок было установлено, что древняя дневная поверхность, соответствующая времени завершения возведения цитадели в VI в. и фиксируемая по отмошке, накрывшей строительную траншею под стену цитадели, была на 3,1 м ниже современной²⁷. Таким образом, самая нижняя надпись № 21, ныне находящаяся на высоте 0,2 м, первоначально (в VI в.) была расположена на высоте 3,3 м от дневной поверхности (4,7 м от подошвы стены), а самая верхняя надпись № 20 – на высоте 9,1 м (11,5 м от подошвы стены). Естественно, что все надписи, составленные от имени Мушега и Адургушнаспа, вырезались на блоках до их установки в кладку стены и документируют строительство данного участка под их руководством²⁸.

На то, что Мушег и Адургушнасп являлись не рядовыми участниками грандиозного фортификационного строительства, предпринятого в Дербенте, а возможно, архитекторами или смотрителями-контролерами высокого ранга, указывают, на мой взгляд, следующие факты. Их надписи сконцентрированы на одном небольшом участке, и это единственные среднеперсидские строительные надписи Дербента, составленные не от имени главного руководителя строительства, каковым был амаргар шахра Адурбадаган Дариуш, осуществлявший от лица государства финансирование и контроль над фортификационными работами. Эти надписи находятся в определенной оппозиции надписям Дариуша: тексты его надписей расположены только на северной городской стене и на всем ее протяжении, надписи же Мушега и Адургушнаспа – только на цитадели и на ограниченном пространстве. Следует заметить, что археологическими исследованиями была установлена единовременность сооружения северной городской стены и цитадели²⁹.

Вместе с тем в противовес этим относительно немногочисленным именованным над-

²⁷ Кудрявцев. Отчет о работе Дербентской археологической экспедиции в 1979 г. Рукоп. фонд ИИАЭ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 464. С. 42–54. Рис. 7.

²⁸ От имени Мушега составлена и надпись № 22, расположенная на соседнем участке, у входа в угловую юго-западную башню цитадели (Касумова. Новые находки... С. 90).

²⁹ Кудрявцев А.А., Гаджиев М.С. и др. Исследования в Дербенте // АО 1977 г. М., 1978. С. 126; Кудрявцев. Древний Дербент. С. 103.

писям, подчеркивающим, как представляется, высокий социальный статус упомянутых в них лиц, мы имеем на стенах Дербента сотни «автографов» безымянных рядовых участников этой «стройки века» в виде вырезанных знаков – символов, тамг, нешанов.

В ходе обследований, проведенных в 1992, 1996–1997 гг. на оборонительных стенах Дербента VI века, было выявлено свыше 520 знаков, основная масса которых (около 450), выделяемая по определенным критериям, представляет собой знаки строителей³⁰. Из них 83 расположены на тех же участках укреплений (куртинах и башнях), что и среднеперсидские надписи, причем концентрация знаков на этих участках различна. Например, на куртине между башнями 15 и 16, где находится надпись № 27, не обнаружено ни одного знака, а на куртине с тремя надписями Дариуша (№ 3, 5, 11) имеется только один знак. В противоположность этим примерам на панцирных блоках куртины между башнями 18 и 19, где расположены надписи № 1 и 2, высечено 18 знаков, представляющих 8 типов, а на куртине с надписью № 24 – 13 знаков также 8-ми типов. В это же время сопоставительный анализ топографии знаков и среднеперсидских надписей Дербента показал, что взаимосвязь, взаимозависимость между ними отсутствуют.

Лишь в нескольких случаях наблюдается условная корреляция между надписями и знаками. Так, на блоке с надписью № 24 («Дариуш, амаргар Адурбадагана») изображена гектограмма (знак № 155); эта же эмблема (знак № 100) встречена (вместе с восемью другими знаками) на участке, где находится надпись № 23. В данном случае можно осторожно предполагать, что мастер, вырезавший надпись от имени амаргара Дариуша, поставил на плите и знак своей религиозной принадлежности.

Другие примеры: разнотипные знаки № 182 («прямой угол с точкой») и № 183 (F-образный) высечены по обе стороны на соседних с надписью № 1 блоках, а знак № 192 («косой крест») вырезан на соседней плите под надписью № 2. Обе надписи нанесены от имени Дариуша и, как было показано выше, после возведения данных участков оборонительных стен. Связь с ними рядом располагающихся знаков носит или случайный, или релятивный характер. Как и в предыдущем случае, возможно предположение, что это знаки мастера-резчика, но скорее они были нанесены еще в ходе строительства, до появления данных надписей, так как аналогичные или типологически близкие знаки, принадлежавшие строителям-каменотесам или мастерам-руководителям групп-«бригад» строителей³¹, встречены и на других участках, там, где надписи отсутствуют.

Наконец, на стене цитадели, где находятся надписи Мушега и Адургушнаспа, на плитах кладки вырезаны строительные знаки № 22–28, расположенные на высоте 1,2–1,9 м (третий – четвертый ряды). Четыре знака (№ 25–28) однотипны. В этом же поясе кладки, в четвертом ряду, находится и одна из надписей Мушега (№ 15), но иной связи со знаками, кроме близкого расположения (как и в вышеприведенных случаях), она не имеет.

Как видно, четкая связь между надписями и строительными знаками отсутствует, наносились они на оборонительные стены независимо друг от друга. Данные по топографии среднеперсидских надписей показывают, что они изготавливались и устанавливались не целенаправленно, а эпизодически в процессе строительных работ. Строгого порядка в местонахождении надписей амаргара Дариуша нет, они расположены несогласованно и крайне неравномерно на всем протяжении северной стены города. Лишь группа надписей № 1–6, объединенная близким текстом («Это и от этого вверх [сделал] ...»), фиксирующим объем выполненных строительных работ, характери-

³⁰ Публикация знаков подготавливается. Предварительные сообщения см. *Кудрявцев А.А., Гаджиев М.С.* Знаки на стенах Дербента // Тез. докл. научной сессии, посвящ. итогам экспедиционных исследований институтов ИАЭ и ЯЛИ в 1992–1993 гг. Махачкала, 1994. С. 18–19; *Гаджиев М.С., Хуфф Д.* Строительные знаки Дербента VI в.н.э. (предварительное сообщение) // Археологическая конф. Кавказа – 1. Кратк. содерж. докл. Тбилиси, 1998. С. 66–68.

³¹ *Гаджиев, Хуфф.* Ук. соч. С. 67.

зуется системой в расположении. Они находятся в нижней части оборонительных стен, что свидетельствует о нанесении их после завершения работ.

Надписи Дариуша носят инспекционно-мемориальный характер. На основе анализа их местоположения в системе кладки можно считать, что он контролировал ход строительства северной городской стены от начала работ до их завершения. Вместе с тем надпись № 3, содержащая дату³², фиксирует не промежуточный этап работ, а конечную дату сооружения стены. Определенная регулярность отмечается и в расположении надписей цитадели № 14–21.

Интересно отметить, что в целом то же явление наблюдается и в топографии строительных знаков Дербента, которые, как и среднеперсидские надписи, не имеют четкого порядка расположения, не отражают метрической системы (как знаки Плиски³³), но в отдельных случаях проявляют некоторую периодичность, регулярность (например нанесение знаков одного типа через блок, на одном уровне)³⁴.

RECENT FINDS AND THE TOPOGRAPHY OF MIDDLE PERSIAN INSCRIPTIONS

M.S. Gadjiev

The article publishes 6 recently found Derbent Middle Persian epigraphic objects of the 6th. c. AD (No 26–31). The inscription No 29 with well legible letters *d* and *r/l*, makes it possible to conclude that the name mentioned in this inscription and some parallel ones must be read as Dariusš (as it was suggested by V.G. Lukonin and G. Gropp), not Barzñš (H.S.Nyberg, S.Yu. Kasumova). Another particular feature of the inscription is that, unlike other Derbent inscriptions it spells the word ʔtwrpʔtkʔn (Ādurbādagān) with a different variant of the letter *t* and without the long *ā* in *-kʔn* suffix.

Topography of Middle Persian inscriptions shows that they were made and installed occasionally during the construction works. There is no regularity in the location of Āmārgar Darius's inscriptions, they were made without any order or system along the whole of the northern wall. Only one group of inscriptions (No 1–6) with similar text ("This and upwards from this [was made]...") fixing the volume of the work done, displays a sort of regularity in their location along the lower part of the defensive walls (at the height of 0.3–1.9 m). This regularity, as well as the text itself, accords well with the fact that these inscriptions were made after the construction works had been finished. The inscriptions of Dariusš are inspectoral and memorial in character. Their place in the masonry system proves that Dariusš controlled the building of the northern city wall from the beginning to the end. At the same time the inscription No 3, bearing a date, fixes the final date of wall construction, not an intermediate point. Some regularity is to be seen in the citadel inscriptions No 14–21 with names of architects or high rank supervisors Mōšig and Ādurgušnasp. Their inscriptions were carved on the blocks before they were placed into the wall masonry; originally (6th c. BC) these inscriptions were at the height of 3.3–9.1 m above the earth level (now 0.2–6.1 m). The article proves that there was no interdependence between the inscriptions and mason's marks on the walls.

³² По поводу чтения даты см., например: *Ньюберг*. Ук. соч. С. 29; *Пахомов Е.А.* К толкованию пехлевийских надписей Дербента // Изв. АГНИИ. Баку, 1930. Т. I. Вып. 2. С. 14–15; *Gropp*. Die Festung Derbent... S. 1621–1622; *Кудряцев*. О датировке... С. 256–257; *Касумова*. К толкованию... С. 123–124.

³³ *Макарова Т.И., Плетнева С.А.* Типология и топография знаков мастеров на стенах внутреннего города Плиски // Сб. в память проф. С. Ваклинов. София, 1984. С. 212–223.

³⁴ *Гаджиев, Хуфф*. Ук. соч. С. 68.